

КЛИМОВ Г. А.

НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА И ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Методологическая значимость принципа историзма, огромная действенная сила которого была впервые продемонстрирована в творческом наследии классиков марксизма, стала к настоящему времени одной из аксиом для широкого направления исследований гуманитарного цикла как в СССР, так и за его пределами. Как известно, с последовательной реализацией исторического подхода к своему объекту оказываются связанными наиболее крупные вехи в развитии целого комплекса общественных наук. Более того, трудно сомневаться в том, что именно внедрению данного принципа в исследовательскую практику весь этот комплекс обязан своим становлением. Красноречивым свидетельством тому служит, в частности, история языкознания, решающую роль в формировании которого как современной научной дисциплины сыграло распространение эволюционных идей. Здесь представляется уместным подчеркнуть, что последнее обстоятельство отчетливо видел К. Маркс, отмечавший, что «у Вико содержатся в зародыше Вольф („Гомер“), Нибур („История римских царей“), основы сравнительного языкознания (хотя и в фантастическом виде)» [1].

Должно быть вместе с тем естественным, что прежде чем приобрести свой современный облик, принцип историзма прошел в лингвистике длительный и сложный путь. Первые, действительно фантастические и, к тому же, идеалистически окрашенные опыты его трактовки едва ли нуждаются ныне в комментариях. Представители лингвистического натурализма, как известно, приняли на вооружение философскую интерпретацию этого принципа, согласно которой процесс развития или «роста» оказывается приуроченным исключительно к так называемой доисторической фазе в эволюции языков, когда будто бы и устанавливалась их форма, в то время как в последующей, собственно исторической фазе они усматривали лишь процесс деградации их формы. Нетрудно заметить поэтому, насколько актуальной для науки того времени была полемика К. Маркса и Ф. Энгельса в «Немецкой идеологии» с философами, прибегавшими к несостоятельному противопоставлению «предыстории» и «собственно истории» [2]. Страдал ограниченностью историзма и позитивистски подчеркнутый подход к языку младограмматической школы. Младограмматики, проделавшие, по справедливой оценке И. И. Мещанинова, исключительно плодотворную работу по внедрению историзма в лингвистические исследования, несомненно, понимали историчность своего объекта, однако были еще не готовы четко уловить самое существо языкового развития. Достаточно упомянуть в этой связи признание ими примата фактов внешней хронологии языковых явлений, перед свидетельствами их внутренней хронологии (что согласовалось с характерной для младограмматизма привязанностью к языку письменных памятников), их интерес к праязыку как таковому, а не как средству истолкования истории языков [3, с. 3—4], а также фактическое сведение у них объективных закономерностей языкового развития к понятию фонетического закона. И хотя уже Г. Паулю принадлежит значительно более созвучная идеям современности трактовка рассматриваемого принципа, немалый груз иллюзий сопровождал процесс совершенствования исторического подхода к языку и в последующий период: ср. неспособность Ф. де Соссюра понять, каким образом может быть историческим в полном смысле слова языкознание, при осознании им историчности

самого языка [4, с. 339], или еще недавно высказывавшееся представление о возможности сообщить атрибут историзма рассмотрению языкового материала посредством снабжения его экскурсами диахронического порядка, основанное на упрощающем отождествлении понятий исторического и диахронического. И лишь с того времени, когда принцип историзма твердо становится в языкознании на службу материалистической концепции языкового развития, можно констатировать, что он превращается в действительное орудие лингвистического исследования.

Уже из данного здесь очень схематичного комментария нетрудно заметить, вероятно, с какой наглядностью основные этапы в развитии науки о языке отражают процесс совершенствования самого исторического подхода к ее объекту. И если еще в настоящее время появляются лингвистические публикации, вольно или невольно пренебрегающие этим важнейшим методологическим постулатом, всегда существует возможность конкретно продемонстрировать их ущербность.

Богатейшее идейное наследие классиков марксизма, органической частью которого является, как известно, и совокупность лингвистических взглядов, содержит немало положений общего порядка, лингвистическая интерпретация которых позволяет совершенствовать историческую трактовку языкового материала. Следует к тому же подчеркнуть, что сам круг лингвистических формулировок К. Маркса и Ф. Энгельса во многом определялся столь характерным для практики обоих историзмом в истолковании общественных явлений. Одна из этих формулировок, принадлежащая перу К. Маркса, по существу отражает собой целостную историческую концепцию языка: «...хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» [5]. Нетрудно увидеть, что за этим лаконичным высказыванием стоит и принятие автором идеи исторического развития языка, и признание им объективных закономерностей последнего, и, наконец, констатация неодинакового положения языков мира на универсальной шкале развития. Ф. Энгельсу принадлежат не менее важные обобщения по глоттогенетической проблематике, формулирующие концепцию возникновения языка «из процесса труда и вместе с трудом» [6]. Среди других имеющих сюда непосредственное отношение положений можно отметить отрицание Ф. Энгельсом возможности установления сколько-нибудь прямолинейных корреляций между развитием языка и общества [7], а также тезис классиков марксизма о появлении названий целых классов предметов только «на известном уровне дальнейшего развития» [8, с. 377]. Наконец, в ряде контекстов, встречающихся преимущественно в языковедческих трудах Ф. Энгельса, находим и instructивные примеры решения конкретных лингвистических вопросов в свете историзма: ср. его набросок исторической диалектологии германских языков, выдержанный в духе отказа от популярной в то время концепции родословного древа [8, с. 522 и сл.], предостережения против антиисторических выводов в опытах далеко идущих реконструкций общественного устройства прошлого по свидетельствам языка [9], опору на исторически определенные критерии при решении задачи языковой идентификации диалекта [ср. 10].

«Принцип историзма, — пишет М. Б. Кедров, — отнюдь не означает изложения материала просто в хронологической последовательности. Этот принцип предполагает раскрытие внутренней закономерности связи явлений, согласно которой совершается сам процесс развития. Следовательно, под принципом историзма здесь понимается общая последовательность ступеней развития, закономерно сменяющих одна другую, что не всегда и не во всех частностях совпадает со строгой хронологической последовательностью отдельных событий. Другими словами, в данном случае, как и в истории развития всей человеческой мысли, обнаруживается необходимость отступления от хронологии ради более четкого выявления подлинной исторической линии развития» [11, с. 7]. Уже в лингвистических работах Ф. Энгельса, особенно — в касающихся вопросов исторической диалектологии германских языков, налицо иллюстрации именно такого

подхода, обнажившие недостатки метода внешней хронологизации историко-лингвистических явлений, широко практиковавшегося современными ему представителями младограмматической доктрины [об этом см. 12, с. 286—289].

Незнакомство современников классиков марксизма с идеями последних существенно тормозило внедрение принципа историзма в лингвистические исследования. Неудивительно поэтому, что способность языковеда взглянуть на то или иное состояние языка как на закономерную фазу в его эволюции, т. е. как на некоторый продукт исторического процесса, представляет собой относительно недавнее завоевание лингвистики.

Заметную роль в выработке такого подхода к языку играла, в частности, и отечественная лингвистическая традиция прошлого, в которой встречаемся не только с соответствующими декларациями, но и с довольно яркими примерами его реализации при анализе конкретных фактов. Так, концентрированным выражением исторической платформы И. А. Бодуэна де Куртенэ может служить его следующее высказывание, относящееся еще к 1871 году: «Обыкновенные грамматики разных языков берут только известный момент истории языка. Но истинно научными они могут быть только рассматривая этот известный момент в связи с полным развитием языка» [13, с. 69—70]. Семьдесят лет спустя И. И. Мещанинов сформулировал эту же мысль в следующей редакции: «Синхроническая грамматика трактует о действующем строе языка как исторически сложившегося целого, тогда как вторая, диахроническая, показывает исторический процесс развития языка до современного состояния. Обычно лишь диахроническая грамматика именуется исторической, по существу же обе грамматики можно было бы назвать историческими, имея в виду, что одна из них затрагивает один исторический этап развития языка, а другая изучает все исторические этапы, пройденные этим же языком» [14, с. 19]. Если обратиться к практике реализации этого принципа в конкретных работах русских лингвистов прошлого, то здесь в первую очередь следует упомянуть труды А. А. Потебни, многие наблюдения которого выдержаны в ярком духе историзма. Ср., например, его следующее высказывание, в сжатой форме подчеркивающее целую совокупность исторических предпосылок функционирования языкового факта современности: «В „Хорсис!“ даже нет налицо имени, а есть наречие, предполагающее, между прочим, столь продолжительные процессы, как образование среднего рода, разделение имени на существительное и прилагательное, переход согласуемого прилагательного, тяготевшего к подлежащему, в наречие, тяготеющее к глаголу» [15, с. 85; ср. еще с. 32, 83, 84 и др.].

Эволюционный взгляд располагает в современной лингвистике таким мощным орудием, каковым является концепция исторического характера грамматических, в широком смысле слова, категорий, уже неоднократно формулировавшаяся многими авторами (ср., например, яркое высказывание И. А. Бодуэна де Куртенэ, согласно которому «крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени» [14, с. 68]). Эта концепция, основанная в конечном счете на огромной совокупности фактов лингвистической эмпирии, вполне согласуется с более общими результатами современных глоттогенетических штудий, согласно которым сигнальные системы неандертальца и раннего сапиентного человека образуют некоторые низшие ступени по отношению к речи современных людей. Далеко не исчерпаны, по всей вероятности, и более широкие предпосылки историзма лингвистического исследования, вытекающие из признания факта системной организации языка. Так, в настоящее время, по-видимому, уже не нуждается в специальном доказательстве утверждение, что системно ориентированное синхронное исследование способно быть глубоко историческим и, напротив, пренебрегающее такой ориентацией диахроническое исследование может оказаться совершенно антиисторическим. Дополнительные резервы внедрения историзма в языкознание открываются и в связи с возросшим в последние годы интересом лингвистов к естественным классификациям языков (особенно заметным в сфере типологии), как известно,

допускающим в отличие от многочисленных искусственных определенную историческую интерпретацию фактического материала. Здесь было бы излишним говорить об особенно очевидных показателях поступательного движения языков в сфере их функционирования.

Разумеется, далеко не в каждом языковом изменении возможно усматривать момент развития. Лингвистической практикой выявлена большая совокупность и таких изменений, которые сводятся — если ограничиться структурным аспектом языка — к циклическому чередованию определенных средств формальной языковой техники (ср., в частности, круговорот флексии и агглютинации), к заполнению так называемых пустых клеток в той или иной подсистеме языка, к выравниванию по аналогии и т. п. Динамика подобных процессов едва ли способна отражать поступательное движение языка. Между тем из языкознания прошлого известно немало случаев, когда неразличение понятий языкового изменения и развития приводило к серьезным просчетам даже крупных лингвистов.

«С точки зрения общих историков, — писал, например, Н. С. Трубецкой в одном из своих писем Р. О. Якобсону, — можно для эволюции языка устанавливать только такие „законы“, как „прогресс цивилизации разрушает двойственное число“ (Meillet)¹ — т. е., строго говоря, законы, во-первых, весьма подозрительные, а во-вторых, не чисто лингвистические. Между тем, внимательное изучение языков с установкой на внутреннюю логику их эволюции учит нас тому, что таковая логика есть, и что можно установить целый ряд законов чисто лингвистических, не зависящих от внелингвистических факторов „цивилизации“ и проч. Но, разумеется, эти законы не будут говорить о „прогрессе“ или „регрессе“, — и потому-то с точки зрения общих историков (и вообще всяких эволюционистов — этнологов, зоологов и проч.) в них не будет главного „состава“ законов эволюции» [17, с. 97]. Вместе с тем, несколько далее выясняется, что понятие языковой эволюции автором прямо отождествляется с понятием изменения: он отмечает, что «в конце концов вполне правомочен вопрос не только, почему данный язык, выбрав какой-то путь, эволюционировал так, а не иначе, — но и почему данный язык, принадлежащий данному народу, выбрал именно такой-то путь эволюции, а не другой (напр., чешский — сохранение количества, а польский — сохранение смягчения)» [17, с. 98].

Приведенная выдержка из письма Н. С. Трубецкого довольно отчетливо отражает и некоторые другие слабые стороны неисторического подхода к языку.

Во-первых, здесь очевиден неучет того обстоятельства, что язык не образует замкнутой в самой себе системы, изолированной от других атрибутов человека и прежде всего — от его мышления, т. е., перефразируя известную формулу К. Маркса, не образует особого царства, а является только проявлением действительной жизни [ср. 2, с. 449].

Во-вторых, нельзя не видеть относительности в интерпретации того или иного структурного явления в качестве архаизма или инновации, недооценка которой отразилась в упомянутом тезисе А. Мейе о «разложении двойственного числа цивилизацией». Утрата числовой парадигмой форм дуалиса, действительно, документально засвидетельствована в эволюции целого ряда языков. В то же время параллельное функционирование в единой системе форм единственного, двойственного (реже — также тройственного) и множественного чисел уже давно рассматривается как закономерный этап на пути становления более абстрактного по своему содержанию противопоставления форм сингуляриса и плюралиса. А последнее с необходимостью предполагает, что для предшествовавшей ступени развития этих языков формы двойственного числа должны были представлять собой не архаизм, а инновацию (аналогичное *qui pro quo* налицо и в представлении, будто «только языки народов с примитивной, очень отсталой культурой» знают различие инклюзивного и эксклюзивного местоимений, тогда как в языках более развитых обществ существует единая форма

¹ При этом автор имеет в виду статью А. Мейе [см. 16].

1-го лица множественного числа, и что «развитие языков идет в направлении образования более широкого, более общего способа указывания» [18, с. 23]).

Если придерживаться понимания историзма как некоторого целостного мировоззрения, обуславливающего специфический подход к исторически развивающемуся объекту, то не приходится сомневаться в том, что каким бы аспектом лингвистического исследования — генетическим, типологическим или ареальным — ни занимался языковед, он всегда имеет дело с развивающимся языком.

В лингвистике конца прошлого — начала текущего столетия всецело господствовало стремление приписывать атрибут историзма исключительно генетическим (сравнительно-историческим) исследованиям. Широко было распространено и отождествление разноплановых по своему существу понятий исторического и диахронического. Однако уже в рамках младограмматизма иногда ощущалась неудовлетворенность таким положением вещей.

С последовавшим в первой половине XX века интенсивным развитием ареальной лингвистики постепенно стали вырисовываться и ее исторические основания. Можно вспомнить в этой связи, что еще в начале 20-х годов Э. Сэпир высказал убеждение в специфичности территориального распространения языковых явлений, от которой нельзя «попросту отмахнуться», и в том, что за ней должна стоять некоторая историческая обусловленность [19, с. 160]. С дальнейшими успехами ареальных штудий вопросы формирования языковых союзов с их интереснейшим каузальным аспектом по праву стали занимать в этой проблематике центральное место. В настоящее время в специальной литературе встречаемся уже не только с признанием очевидной исторической обусловленности процессов языковой конвергенции, но и убеждением в хронологической приуроченности лежащих в основе становления языковых союзов процессов конвергенции языков преимущественно к более поздним эпохам развития человеческого общества, характеризующимся все возрастающей его экономической и политической концентрацией [ср. 20, с. 136—149; 21, с. 279—281].

Нельзя не упомянуть, наконец, что в современном языкознании практически уже преодолено возникшее в прошлом предубеждение о неисторическом характере типологических исследований. В мировой науке накоплен огромный опыт типологического изучения языкового материала, руководствующегося идеей исторического развития языков. Так, не говоря уже о пионерском в этом отношении направлении работ, представленном многочисленными публикациями советских лингвистов 20—40-х годов, здесь в первую очередь следует отметить и ныне активно продолжающуюся в СССР традицию аналогичных исследований как теоретического, так и практического плана. Еще более показательно в этом отношении то обстоятельство, что мысль об исторических основаниях типологии не чужда в настоящее время и ряду видных зарубежных лингвистов. Например, Э. Косериу, подчеркивая первостепенную важность демонстрации исторического развития конкретных языков как прогрессивной реализации заложенных в них потенций, констатирует, что лингвистическая типология в своей основе исторична [22, с. 29; ср. 23, с. 144—145]. С другой стороны, К. Х. Шмидт, формулируя свой тезис о перспективности построения «сравнительно-исторической» типологии, считает, что она должна покоиться на убеждении в правомерности типологического сравнения истории определенных категорий в неродственных языках [24, с. 21]. Можно предполагать, что именно типологии, а не генетическому или ареальному языкознанию предстоит, в частности, установить особенно тесные связи с работами в области глоттогенеза.

Не приходится сомневаться в том, что более широкое внедрение историзма в исследовательскую практику остается актуальной задачей и для современного языкознания. От ее решения будут, вероятно, зависеть перспективы успешного развития его самых различных отраслей. Наследие классиков марксизма составляет один из важных источников резервов лингвистической науки на этом пути.

1. *Маркс* — Фердинанду Лассалю. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 512.
2. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология. — Соч., т. 3, с. 27.
3. *Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М. — Л., 1964.
4. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история. (Проблема языкового изменения). — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
5. *Маркс К.* Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов). — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 711.
6. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 489.
7. *Энгельс Ф.* Йозефу Блоху. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 395.
8. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19.
9. *Э[нгельс] Ф.* Лауре Лафарг. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 256—257.
10. *Климов Г. А.* Фридрих Энгельс о критериях языковой идентификации диалекта. — ВЯ, 1974, № 4.
11. *Кедров М. Б.* Классификация наук. I. Энгельс и его предшественники. М., 1961.
12. *Кацнельсон С. Д.* Метод системной реконструкции и внутренняя хронология историко-лингвистических фактов. — В кн.: Энгельс и языкознание. М., 1972.
13. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. I. М., 1963.
14. *Мещанинов И. И.* Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940.
15. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1963.
16. *Meillet A.* L'emploi du duel chez Homère et l'élimination du duel. — MSLP, 1921, XII, f. 3, p. 150.
17. *Jakobson R. N. S.* Trubetzkoy's letters and notes. The Hague — Paris, 1975.
18. *Милевский Т.* Предпосылки типологического языкознания. — Исследования по структурной типологии. М., 1963.
19. *Сэпир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М. — Л., 1934.
20. *Десницкая А. В.* «Языковой союз» как категория исторического языкознания. — В кн.: II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. «Диалектика развития языка»: Тезисы докладов. М., 1980.
21. *Hampe E. P.* On some questions of areal linguistics. — Proceedings of the Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1977.
22. *Coseriu E.* Humboldt und die moderne Sprachwissenschaft. — В кн.: Арнольду Степановичу Чикобава (сборник, посвященный 80-летию со дня рождения). Тбилиси 1979.
23. *Coseriu E.* Vom Primat der Geschichte (Oswald Szemerényi zu seinem 65 Geburtstag). — Sprachwissenschaft, 1980, Bd. 5, Hf. 2.
24. *Schmidt K. H.* Historische Sprachvergleichung und ihre typologische Ergänzung. — ZDMG, 1966, Bd. 116, № 1.